

АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Т.М. КЕРАШЕВА

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ

2021

Майкоп
2021

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43
В-74

Редколегия:

Тлеуж А.Х., Джигунова Ф.К., Ципинов Р.К., Схатум Р.Б.,
Ловпаче Н.Г., Эрлих В.Р., Хотко С.Х., Луганская Г.Б.,
Голубев Л.Э. (ответственный редактор).

Рецензент:

д.и.н. Нарожный Е.И., к.и.н. Вальчак С.Б.

В-74 ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ (2021) : Сборник научных трудов. – Майкоп:
Изд-во Магарин О.Г., 2021. – 302 с., ил.

ISBN 978-5-91692-885-3

Сборник научных трудов посвящен проблемам археологии Северо-Западного Кавказа и сопредельных территорий от эпохи бронзового века до эпохи позднего средневековья. Издание адресовано археологам, историкам, музейным работникам преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется археологией и историей Северного Кавказа.

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43

ISBN 978-5-91692-885-3

© Группа авторов, 2021
© АРИГИ им. Т.Керашева, 2021

С О Д Е Р Ж А Н И Е :

Предисловие (Тлеуж А.Х.)	4
--------------------------------	---

ЭПОХА КАМНЯ

Ловпаче Н.Г. К отчету 2014 г. об экспедиции на Майкоп пытапэж. Географическая справка о Майкоп пытапэж: топография, расположение, геология	5
---	---

ЭПОХА БРОНЗЫ

Кореневский С.Н. К вопросу о символике Майкопского кургана	33
Вальчак С.Б. Несколько комплексов бронзового века из могильника Уташ в Краснодарском крае	53
Кудин М.И. Феномен ложного входа у дольменов Западного Кавказа	66
Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н. Дольменная группа «Волчьих ворот» в бассейне р. Неожиданная (р. Мыжбогухъу)	82
Белоусов А.В., Федосов М.Ю. Материалы финальной бронзы и раннего железного века из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея	100

ЭПОХА ЖЕЛЕЗА

Муравенко Е.В., Пелих А.Л. О новой находке протомеотской секиры	112
Джопуа А., Ньюшков В.А. О полевых исследованиях И.В. Ксенофоновой в селе Нижняя Эшера в Абхазии	117
Дедюлькин А.В., Крутоголовенко К.А. Два новых шлема группы Майкоп	121
Коцева А.А. Коллекция предметов из египетского фаянса в собрании Национального музея Республики Адыгея	129
Верещагин В.В. Разведка в Республике Адыгея в 2012 году	141
Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Кавказская археологическая экспедиция Музея Востока в постсоветский период – 1994-2020 гг.	146

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ньюшков В.А. Об одной находке с устья р. Кяласур (Абхазия)	164
Мокрушин В.П., Соков П.В., Успенский П.С. Археологические исследования могильника Южная Озереевка в Северо-Восточном Причерноморье	169
Пшипий Ф. С. Из раскопок П.А. Дитлера могильника у кирпичного завода станицы Кужорской (по материалам полевого дневника)	193
Нарожный Е.И. Об одном типе случайной находке бронзового зеркала с крестовидным орнаментом (Территория Адыгеи)	205
Голубев Л.Э., Полицын Е.Б., Пьянков А.В., Схатум Р.Б. Курган 9 могильника «Гостагаевская-1» из окрестностей города Анапа	214
Дударев С.Л., Бережная В.А., Савенко С.Н. Археологические материалы эпохи средневековья с территории Средней Кубани	229
Носкова Л.М. Могильник XVII–XVIII вв. в ущелье «Церковная щель» в Геленджикском районе Краснодарского края	240

НУМИЗМАТИКА

Пьянков А.В., Юрченко Т.В. Римские серебряные монеты в собрании Краснодарского музея-заповедника, поступившие до 1991 г.	269
--	-----

ИСТОРИЯ

Скаков А.Ю. Диоскурия и Севастополис: краткий историографический очерк	276
Памяти И.В. Ксенофоновой (1956 – 2021)	296
Сведения об авторах	299

МАТЕРИАЛЫ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ФОНДОВ ГЕЛЕНДЖИКСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А.В. Белоусов, М.Ю. Федосов

ООО «Прогресс», г. Краснодар, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются коллекции предметов из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея, относящиеся к периодам финальной бронзы и раннего этапа железного века, происходящие из сборов и раскопок середины XX в. Авторы изучают их хронологическую и культурную позицию в контексте древностей предскифского и раннескифского времени Юго-Восточной Европы. Ряд предметов ранее был известен только по кратким и отрывочным сведениям, другие публикуются впервые.

Ключевые слова: финальная бронза, ранний железный век, топоры-кельты, наконечники стрел, подвески, бляхи, браслет, упряжь, черпак, Геленджик.

MATERIALS OF THE FINAL BRONZE AND EARLY IRON AGE FROM FUNDS OF THE GELENDJIK HISTORICAL AND LOCAL HISTORY MUSEUM

A.V. Belousov, M. Yu. Fedosov

LLC "Progress", Krasnodar, Russia

Abstract. This article examines items from the funds of the Gelendzhik Museum of History and Local Lore, relating to the periods of the final Bronze Age and the early stage of the Iron Age, originating from the collections and excavations of the middle of XX century. The authors study their chronological and cultural position in the context of pre-Scythian and Early Scythian antiquities in Southeast Europe. Some artifacts were previously known only from short and fragmentary briefs, others are published for the first time.

Keywords: final Bronze Age, early Iron Age, Celtic axes, arrowhead, pendant, plaque, bracelet, harness, scoop, Gelendzhik.

Долгие годы предскифское время г. Геленджика было известно только по двум публикациям: «Прикубанский очаг металлообработки» (Иессен, 1951) причем в работе А.А. Иессеном указывалось только случайные находки двух бронзовых наконечников копий на р. Адербиевка и статьи И.И. Аханова «Геленджикские подкурганые дольмены» (Аханов, 1961), посвященной погребениям, исследованным в 1951 – 1953 гг. Скудность материала и давность публикаций надолго оставили Геленджик на периферии исследований в этой области, а эпоха финальной бронзы на этой территории вообще никак не была отражена в литературе. Материалы ранее неопубликованных случайных находок и погребений, хранящихся в фондах ГИКМ¹, позволяют значительно расширить представление о

материальной культуре населения, проживавшего на территории Приморской зоны в период финальной бронзы и VIII – VII вв. до н.э.

Топоры-кельты (ГКМ-1724, 288). В 1960 г. местным жителем с. Береговое был передан сотрудникам музея кельт, случайно найденный им недалеко от села. Кельт (рис. 2, 1) двуушковый, одно ушко отломано, в сечении овальный, с арочной фаской, орнаментирован двумя валиками. Высота 7 см, ширина лезвия 5 см. Близок к типу К-60 по типологии Е.Н. Черных (Черных, 1976, с. 85). Единственное отличие заключается в том, что топоры типа К-60 шестигранно-овальные в сечении. Основной ареал распространения подобных топоров - Поднепровье. Второй экземпляр обломка топора (рис. 2, 2) был найден на территории виноградника, расположенного на

¹ Авторы выражают большую благодарность сотрудникам Ге-

ленджикского историко-краеведческого музея за оказание помощи в работе с коллекциями.

Толстом мысу г. Геленджика в 1948 г., но общая морфология нижней части фаски, ширины лезвия и основание выхода ушка позволяет нам предположить, что он относится к тому же типу топоров. Датируются топоры типа К-60 XI – IX вв. до н.э. (Шарафутдинова, 1982, с. 148, рис. 59). Такой же топор на Северо-Западном Кавказе был найден только у х. Чекон под Анапой (Пелих, 2003, с. 77), и, в отличие от геленджикского образца, имел шестигранно-овальные сечение.

Фальшивый Геленджик (Дивноморское) (ГКМ-1151). В сентябре 1955 г. при проведении плантажной распахки на севере Фальшивого Геленджика (рис. 1) под виноградник были обнаружены четыре погребения, исследование которых проводил сотрудник Геленджикского музея Д.Е. Щеглов. Все погребения имели каменные ящики, однако повреждения от плантажных работ не позволили исследовать конструкции *in situ*. Три могилы оказались разграбленными. Погребение №4 также было повреждено, но тракторист В.А. Лисункин и охранник виноградника собрали найденный там материал и передали его в музей. При обнаружении погребения «плантажным плугом (тракторист) приподнял наверх большую плиту, более двух метров длиной. На плите были кости человека. Под костяком небольшая тонкая плита, прикрывавшая углубление в большой плите. Площадь углубления, примерно, 40х40 см». (Щеглов, 1957, с. 27).

Среди находок, найденных в этом углублении, были два бронзовых наконечника копья. Один из них (рис. 3, 1) имеет перо лавролистной формы с округлым в сечении ребром жесткости, переходящим в цельнолитую конусовидную втулку. Длина изделия 15,5 см, длина пера 7,5 см, ширина в наибольшей части 2,8 см; отверстие для крепления на втулке симметричное на высоте трех сантиметров. Втулка у основания ромбовидная, нижняя часть деформирована. Такой наконечник по классификации В.И. Козенковой типологически наиболее близок к 1 отделу 1 типа, датируется весьма широко от XIII – IX вв. до н.э. (клад из ст. Упорная) до V в. до н.э.; но в эту классификацию включены как бронзовые, так и железные наконечники (Козенкова, 1995, с. 35). Такие находки не характерны для памятников, расположенных в прибрежной зоне. Наиболее близкая находка аналогичного копья известна по подъемному материалу возле ст. Крымская (Иессен, 1951, с. 112, рис. 49, 2), а также семь (один

из них фрагментирован) лавролистных наконечников происходят из кургана 2 могильника Холмский 1 (Василиненко, Кондрашев, Пьянков, 1993, с. 22-23, рис. IX, 1-8).

Второй наконечник (рис. 3, 2) имеет остролистое перо с ромбовидным в сечении ребром жесткости, переходящим в литую конусовидную втулку. Длина изделия 14,5 см, длина пера 7,7 см, ширина в наибольшей части 3,3 см, отверстие для крепления на втулке симметричное на высоте 1,7 см. Относится ко 2 отделу 1 типа и датируется весьма широко XIII – нач. VII вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 39). К ближайшим аналогиям можно отнести бронзовые наконечники из случайных находок на р. Адерба (Иессен, 1951, с. 113, рис. 50, 2, 6) и два копья из Геленджикских «дольменообразных» гробниц (к. 8 – 2 гр.; к. 2 – 3 гр.) (Аханов, 1961, с. 145, рис. 4, 1, 6).

Детали упряжи в первую очередь представлены четырьмя литыми бронзовыми бляхами. Три из них (рис. 3, 5) диаметром 5 см. Характерной особенностью этих изделий является орнамент в виде двух concentрических кругов вписанных один в другой, шириной 0,3 см, разделенных прямыми линиями, направленными к центру и формирующими квадраты по окружности. Четвертая бляха неорнаментированная, диаметром 3,5 см (подробнее такие бляхи будут рассмотрены ниже). Помимо блях, в комплексе присутствуют гладкая литая лунница в виде птичьих голов (рис. 3, 10), а также два бронзовых литых наконечника ремня в виде обоймы округло-конической формы и выделенной основой, которая имеет сквозное отверстие для крепления шпенька у основания (рис. 3, 6). В.И. Козенкова считает подобные изделия ворворками, по ее классификации данная находка относится к 1 типу и датируется VIII – VII вв. до н.э. и даже более поздним временем (Козенкова, 2013, с. 114).

Особый интерес вызывают две бронзовые литые поясные обоймы (рис. 3, 3-4), одна из них конусовидная, окаймленная тройным желобком, вторая в форме полукруга. Прямых аналогий им на данный момент не известно, но подобные обоймы или пряжки 1 типа по классификации В.И. Козенковой появились в кобанской культуре в XIII – XII вв. до н.э., а в X – VIII вв. до н.э. они были значительно распространены на территории Колхиды (Козенкова, 2013, с. 74-76). В Закубанье две обоймы были найдены на могильнике Холмский 1 к.2, авторы атрибутировали

данные находки как бляхи-лунницы (Василиненко, Кондрашев, Пьянков, 1993, с. 24, рис. XII, 16-17). Находки из погребения Фальшивого Геленджика имеют ряд серьезных отличий. Первое из них - это выделяющаяся тыловая часть с отверстием для входа ремня. Подобные отверстия, но без выделения, известны только в Холмском I могильнике, на Кавказе же крепление осуществлялась к петлям. Второе отличие заключается в том, что на кобанских и колхидских находках в передней части обоймы имелся крюк. В изделии из Холмского могильника он не присутствует, а вместо крюка имелаась петелька, на основании этого можно прийти к выводу о том, что их функциональное назначение - жесткая фиксация оконечности ремня. Третье отличие - отсутствие ornamentации в виде валют или трискелий, характерных для подобных изделий.

Бронзовая литая обойма (рис. 3, 9) с навершием в виде кольца. Основание трапецевидной формы. Обойма окаймлена в верхней и нижней части валиками. В нижней части имеется сквозное отверстие для крепления шпенька, немного смещенное в сторону от центральной оси. Обоймы с навершием в виде кольца появляются на Кавказе в XI – X вв. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 111), в Закубанье они известны в Ястребовском могильнике, со сборов на могильнике в долине р. Сукко и к.10 Ульского могильника, где обойма являлась частью уздечного набора, датируемого первой половиной VI в. до н.э. (Эрлих, 2005, с. 302). Различно трактуемые специалистами с точки зрения функционального назначения (по А.И. Тереножкину, это обоймы для кисти, по В.И. Козенковой - обоймы для поводка, по О.Р. Дубовской - навершия рукояти нагайки), эти изделия имеют степные и лесостепные аналогии конца VIII - первой половины VII вв. до н.э. (Дударев, 1999, с. 265-266). А.М. Новичихин, в свою очередь, считает их навершиями ножен (Новичихин, 2006, с. 50). Следует также упомянуть еще об одной находке. На некрополе Артющенко-2 в погребении 32, датированном второй четвертью – первой третью V в. до н.э., был найден акинак с надетым на рукоять бронзовым навершием с кольцом (Ворошилов, Кашаев, 2010, с. 70, 77). Скорее всего, правы все исследователи - учитывая, что размеры обоймы различны на разных памятниках, наиболее вероятно, что однотипные навершия производились в зависимости от желания использования их заказчиком.

Также среди находок был железный нож с горбинкой на обухе, длиной 11 см (рис. 3, 11), бронзовые колечки из тонкой проволоки (рис. 3, 7-8), оселок прямоугольной формы размерами 10 x 2,7 x 1,4 см с немного суженными концами и отверстием диаметром 0,5 см с одного края (Щеглов, 1957, с. 31).

Среди несохранившихся, но указанных в описи предметов были фрагмент лезвия железного топора и кусок согнутой железной проволоки диаметром 0,8 см размерами 4x4,2 см. Оба предмета были списаны из-за плохой сохранности (Щеглов, 1957, с. 31).

Определяющим материалом для погребения являются копье с остролистым пером и наконечники ремня, которые позволяют его датировать VIII – началом VII в. до н.э.

Также в отчете указывалось, что на территории террасы, помимо четырех исследованных погребений, располагалась группа курганов, часть из которых полуразрушена. Поскольку территория должна была попасть в зону хозяйственного освоения, то Д.Е. Щеглов рекомендовал исследовать их путем раскопок, в ближайших планах музея было проведение топосъемки участка. (Щеглов, 1957, с. 31-33). Однако, судя по отсутствию какой-либо информации о проведении этих работ, можно предположить, что курганы были уничтожены плантажем.

Бетта (ГКМ-977). В сентябре 1953 г. И.И. Аханов проводил раскопки погребения (в описи указано дольмена) на территории дома отдыха «Бетта». Отчет о проведении раскопок обнаружить не удалось, поэтому нет информации о конструкции погребения и обряде, однако хранящийся в музее материал достаточно интересен.

Среди пяти найденных в погребении литых бронзовых блях мы имеем две пары изделий с одинаковым декором - с елочным орнаментом (рис. 3, 14-15), сходящимся с трех равноудаленных направлений к центру и с умбоном в центральной части, а также с двумя концентрическими кругами, вписанными один в другой (рис. 3, 12-13). Последние аналогичны найденной в погребении Фальшивый Геленджик. Также близка к ним по стилю ornamentации бляха, имеющая один орнаментированный круг, но украшенная умбоном в центральной части (рис. 3, 16). У всех найденных экземпляров имелаась небольшая петелька с тыльной стороны. На территории Северного Причерноморья нам не удалось обнаружить блях с аналогичным орнаментом, а экземпляры с

концентрическими кругами встречены только в Абинском могильнике к.1, п. 4 и в виде случайной находки в районе г. Новороссийска, т.е. концентрируются только на Северо-Западном Кавказе. К сожалению, погребение 4 не имеет хороших хронологических индикаторов, и нам придется использовать общую датировку памятника. По мнению С.Л. Дударева, все погребения были совершены в короткий период второй половины VIII – начала VII вв. до н.э. (Дударев, 1999, с. 265). Стоит только заметить, что сопутствующие подобному металлическому инвентарю глубокие черпаки со слабовыраженным профилем и отростком на ручке известны в горизонте Жаботин III и датируются концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (Дараган, 2011, с. 535, рис. IV, 6, 14, 17-18). В принципе, тут нет противоречий и можно только говорить о возможном смещении верхней хронологической границы памятника. Единственными найденными нами аналогиями, где однотипность орнаментальной традиции несомненна, могут служить бляхи из музея г. Клуж-Напока в Румынии. Из хранящихся там двух блях одна имеет единственное концентрическое кольцо, вторая два, вписанных одно в другое. В работе М. Петреску-Димбовита нет точных датировок и привязок к памятнику, он лишь публиковал бронзовые изделия, хранящиеся в музеях Румынии, и включил бляхи в блок находок XII – VIII вв. до н.э. (Petrescu-Dimbovita, 1977, p. 115, Pl. 242, 7; 243, 7).

Литые бронзовые браслеты, пять экземпляров. Два однотипных браслета диаметром 6,5 см (рис. 3, 18) представляют собой круглый в сечении прут диаметром 0,5 см, концы разомкнуты. Подобные браслеты отнесены В.И. Козенковой к XI типу, самые ранние известны на Эшкаковском могильнике (X – VIII вв. до н.э.), но наибольшее распространение получили в скифский период. (Козенкова, 1998, с. 53). Третий браслет диаметром 7,1 см (рис. 3, 17) изготовлен из полуовального в сечении прута; концы его разомкнуты и имеют т-образные окончания перпендикулярно оси длиной 3,5 см. Похожий на него браслет, только из массивного круглого в сечении прута, диаметр стержня которого составляет 1,5 см, а длина т-образующих стержней, слитых с концами браслета перпендикулярно его плоскости - 5,3 см, был найден в Абхазии у пос. Хабью. Ю.Н. Воронов не дает аналогий и датировки этой находке, но все же указал ее в списке предметов бронзового века. (Воронов, 2009, с. 46). Еще один

целый и один обломок браслета изготовлены из подтреугольного в поперечном сечении прута с обрубленными, несомкнутыми краями, имеющими расширение, диаметр целого браслета 6,7 см (рис. 3, 19). Последние отнесены к XVI типу по классификации В.И. Козенковой. Их появление исследователь отмечает в центральной группе протокобанской культуры в XIV – XIII вв. до н.э., но наибольшее распространение они получают в западном ее варианте в XI – X вв. до н.э. и продолжают там существовать и в начале I тыс. до н.э. Помимо этого, В.И. Козенкова отметила, что на Кубани они найдены в более позднее, чем в кобанской культуре, время в погребениях Николаевского могильника (Козенкова, 1998, с. 54). Следует сказать, что подобные браслеты имеются среди могильников VIII – VII вв. до н.э.: Геленджикских дольменов, Большие Хутора, Атмачева щель, Абинском, Холмском и в числе случайных находок из окрестностей ст. Раевской. Находки аналогичных браслетов за пределами Западного Закубанья редки. Можно назвать лишь экземпляры из погребений могильников Фарс/Клады и Ясеновая поляна на Средней Кубани (Новичихин, 2006, с. 65), что также косвенно свидетельствует о более позднем времени их существования на Северо-Западном Кавказе, чем на памятниках кобанской культуры.

Также среди изделий из бронзы были два височных кольца. Первое диаметром 1,2 см, круглое в сечении, с несомкнутыми краями (рис. 3, 21). Второе овальной формы диаметром 2 см, с заостренными краями, заведенными друг за друга (рис. 3, 20).

Лепная керамика представлена обломком уплощенной в сечении ручки сосуда из глины черного цвета с включениями слюды, высотой 7 см и шириной 3,2 см (рис. 3, 25), фрагментом ручки черпака с роговидным навершием черного цвета с включениями частиц слюды с высотой отростков 1,5 см (рис. 3, 22), фрагментами вертикального венчика со скругленным краем темно-желтого цвета (реконструируемый диаметр 12 см) (рис. 3, 23) и обломком сосуда, имеющего выступающий венчик также темно-желтого цвета, диаметр которого не удалось реконструировать (рис. 3, 24). Также было найдено пряслице конической формы из мела, высотой 1,8 см, шириной у основания 2,2 см (рис. 3, 26).

На фрагменте ручки с роговидным навершием необходимо остановиться подробнее, потому что

генезис и хронология этого типа посуды недостаточно отображены в научной литературе. Такие навершия Л.К. Галанина считала инновацией для Кубани и полагала, что происходят они от бронзовых ситул со звериными ушками на ручках, В.И. Козенкова убедительно доказала, что бронзовые ситулы производились на территории западного варианта кобанской культуры и относятся VIII в. и, возможно, захватывают рубеж VIII – VII вв. до н.э., а попадание в более поздние комплексы она объяснила продолжительностью их использования и в качестве подтверждения указала на многочисленные следы починки (Козенкова, 2013, с. 32). Появление роговидных ручек для Закубанья Л.К. Галанина датировала не позднее середины VII в. до н.э., в последующее раннескифское время они становятся характерными и для правобережья Кубани (Галанина, 1989, с. 80-81). Нахождение же роговидных наверший черпаков в памятниках Клады к. 46, Хаджох к. 1 п. 2, Псекупский могильник п. 130 и Кочипэ п. 33 относит бытование черпаков в период новочеркасской «классики» - последняя четверть VIII в. - первая четверть VII в. до н.э. (Дударев, 1999, с. 270, 287), так что версия Л.К. Галаниной о происхождении их от ситул не утратила своей актуальности.

Для рассмотрения верхней хронологической границы бытования подобных изделий необходимо обратиться к исследованию погребений, проведенному Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, которые датировали существование таких черпаков рамками VI в. до н.э. Основой для датирования погребений с черпаками, имевшими роговидные навершия (СК-2 п. 120з, п. 346з, УЛ-2-1937 п. 18, УЛ-2-1938 п. 38, 39, Л-2-1980 п. 37) первой половиной – серединой VI в. до н.э., по их мнению, является взаимовстречаемость с черпаками-кружками типа I-II, черпаками-кувшинчиками типа III – A-B и мисками типа III, по типологии Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2012, с. 19, 42), в погребении Л-2-1980 п. 65, где было найдено бронзовое зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков, перекрытых бляшкой-кружком с изображением многолучевой розетки, I класса, I отдела, II типа, варианта 3 по классификации Т.М. Кузнецовой (Кузнецова, 2002, с. 64). На этой находке необходимо остановиться подробнее.

Нам известно нахождение таких зеркал на территории Кавказа (Минераловодский, Каменно-

мостский и Каррасский могильники, Раевское городище), лесостепи (группа Роменских курганов), Румынии (могильник Мэришелу) и находок на о. Самос, и все они, за исключением Мэришелу к. 5 и гробницы IV могильника Каррас 1, происходят из разрушенных погребений или из разрушенных древних слоев, как на Раевском городище (Малышев, 2010, с. 178) и не могут служить в качестве датирующих маркеров. Несмотря на то, что Т. Бадер отнес погребение Мэришелу, правда, с некоторой условностью, к первой половине VII в. до н.э. (Bader, 1983, S. 90, Taf. 59), Т.М. Кузнецова указала на то, что наконечники стрел, встреченные в этом погребении, относятся к рубежу VII – VI вв. до н.э., на основании чего и отнесла его к первой половине VI в. до н.э. (Кузнецова, 2002, с. 64). Нахождение там трех бронзовых наконечников стрел, два из которых двухлопастные лавролистной и остролистой формы с шипом, находят соответствие с отделом I, типом 2, вариантом 2 по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 28, табл. V), самые ранние находки которых известны из материалов Мельгуновского кургана и относятся к первой половине VII в. до н.э., подтверждает датировку Т. Бадера; так же они известны и в погребении Старшая Могила, относящейся ко второй половине VII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 629, 767). В свою очередь, трёхлопастной наконечник, относящийся к отделу II, типа 4, варианта 2 (Мелюкова, 1964, с. 28, табл. V), известен еще с первой половины VIII в. до н.э. из материалов Енджи в Болгарии и Гумарово к. 1, п. 3 в Южном Приуралье. Такой наконечник представлен на памятнике Малая Офирна в слое первой половины VII в. до н.э. (Дараган, 2015, с. 142, 147, ил. 8, 11; Иванчик, 2001, с. 202, рис. 96, 6-7). Таким образом, у нас нет оснований усомниться в датировке, данной Т. Бадером. Что касается гробницы IV могильника Каррас 1, исследованной Д.Я. Самоквасовым в 1881 г., то В.И. Козенкова датировала это погребение второй половиной VI в. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 85). В итоге мы видим, что такие зеркала имеют широкий хронологический разброс, около 150 лет, и не могут служить надежными индикаторами первой половины – середины VI в. до н.э.

Еще одним погребением с черпаком с роговидным навершием ручки, содержащим датирующий материал, является погребение 2 у х. Ленина. На основании нахождения 19 наконечников стрел, автор раскопок В.Н. Каминский отнес

погребение ко второй половине VII – началу VI вв. до н.э., позже Л.К. Галанина ограничила датировку лишь второй половиной VII в. до н.э. Иную позицию заняли Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко. На основании того, что в данном колчанном наборе, помимо наконечников, имеющих аналогии в келермесских погребениях, присутствовал трехлопастной железный наконечник с выделенной втулкой, аналогии которому известны в п. 48 к. 15 Уляпского могильника, датированного серединой VI в. до н.э., авторы пришли к выводу о том, что набор из п.2 у х. Ленина занимает промежуточное положение между поздnekелермесскими наборами и стрелами из уляпского комплекса и должен датироваться рубежом VII – VI вв. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012, с. 55).

Если рассмотреть такие железные наконечники в более широких географических рамках, то мы увидим, что самая ранняя находка трехлопастной стрелы была обнаружена в погребении Константиновка №376 (Ильина, 1973, с. 17, рис. 8) и соотносится с горизонтами Жаботин Ib – Жаботин II конец первой половины – вторая половина VIII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 551). В более позднее время они встречаются чаще, например на Поповке к. 8 (середина VII в. до н.э.) (Шрамко, 2016, с. 593), Гладковщина к. 4, п. 1 (последняя четверть VII – возможно, рубеж VII – VI вв. до н.э.) (Дараган, 2015, с. 71), Хапры к. 1, п. 25 (кон. VII – первая половина VI вв. до н.э.) и Бушуйка к. 2, п. 10 (первая половина VI в. до н.э.) (Рябкова, 2003, с. 111). На Кавказе появление таких наконечников В.И. Козенкова относит к VI в. до н.э., а в начале IV в. до н.э. они уже становятся доминирующими в колчаных наборах (Козенкова, 1995, с. 23). Подводя итоги краткому рассмотрению нахождения аналогичных железных трехлопастных наконечников стрел, можно поставить под сомнение целесообразность сдвига датировки Л-1980 п. 2 на основании всего лишь одного погребения, поскольку временной диапазон их существования достаточно велик, то быть датированным материалом они не могут и должны рассматриваться только в рамках сопутствующего материала. Поэтому мы предлагаем рассматривать данное погребение в рамках, предложенных Л.К. Галаниной, т.е. второй половиной VII в. до н.э.

Из приведенного выше рассмотрения погребений Л-2-1980 п. 65 и Л-1980 п. 2 можно заключить, что только погребение 2 имеет узкую дату.

Помимо этого погребения на Кубани известен еще один комплекс, содержащий интересующий нас черпак, это п. 14, к. 11 у ст. Раздольной, которое датируется по сопутствующему материалу серединой VII в. до н.э. (Рябкова, 2003, с. 139). Таким образом, верхняя граница бытования черпаков с роговидными навершиями не заходит в VI в. до н.э.

Как версию их происхождения можно рассмотреть и Закавказское влияние. Б.А. Куфтин говорил, что для памятников Западной Грузии характерны роговидные навершия, они являются массовым материалом на поселениях и могильниках, относящихся к колхидской культуре: Наохвamu, Дабла-Гоми, Палури и датированными XII – VIII вв. до н.э. (Воронов, 2006, с. 51). Появление же их на Кавказе Б.А. Куфтин связывал с Северной Италией и Верхнем Подунавьем, где эта форма орнаментации появляется еще в культурах шаровидных амфор (Triskova, 2015) и достигает наивысшего расцвета в культуре террамар Северной Италии (XVII – XII вв. до н.э.). В качестве возможного пути проникновения на Кавказ он указал Балканы и Малую Азию, но подчеркнул единичность таких находок для эпохи бронзы, массовое же распространение роговидных наверший в Малой Азии наступает только в эпоху Ахеменидов. Имея массовое распространение в Западной Грузии, они довольно слабо представлены в восточных регионах и Приморской Абхазии (Куфтин, 1950, с. 200, 225-227). Так, Ю.Н. Воронов указывает, что единичные находки ручек с роговидными навершиями известны на селище IX – VIII вв. до н.э. в верховьях Алексеевского ущелья, на поселении XII – VIII вв. до н.э. в северо-восточной части седловины у подножия северной вершины Сухумской горы и на поселении (или как позже было указано, одной из усадеб) у холма Мачара-2, датированного VIII – VII вв. до н.э. (Воронов, 2009, с. 61, 69-70, 334). Раскопки могильника Джантух в восточной Абхазии показали наличие таких ручек и в античное время (V – III вв. до н.э.). (Скаков, Джоуа, 2014, с. 103, рис. 3, 4). Учитывая нахождение таких ручек в Закубанье в погребениях конца VIII – VII вв. до н.э., можно предположить, что традиция такого украшения ручек могла быть заимствованной из Закавказья.

Помимо этого, необходимо указать еще один регион распространения таких черпаков – Карпаты. Ранние образцы известны в эпоху поздней

бронзы культуры Гава, а в начале раннего железного века они являются доминирующим орнаментом ручек в Западной Подолии (Дараган, 2011, с. 407). Также они известны и западнее. В статье, посвященной генезису и хронологии черпаков с роговидными навершиями раннежелезного века К. Танко указывает, что на территории Великой Венгерской равнины они получают массовое распространение во второй половине VII – VI вв. до н.э. и продолжают существовать в более позднее время. Распространение их исследователь связал со скифским вторжением, поскольку в погребениях всегда сопутствующим был скифский материал, хотя как возможный прототип для керамических черпаков он указал на находки бронзовых чаш с аналогичными ручками, найденных в восточных Альпах уходящих в рубеж VIII–VII вв. до н.э. (Tanko, 2005, p. 154-155, 157).

Еще одним регионом, где были распространены подобные навершия, является Левобережная Днепровская Лесостепь. Находки ручек хорошо представлены на Западном Бельском городище в слоях, датированных VII – первой половиной VI вв. до н.э. (Шрамко, 2016, с. 243). В Нижнем Подонье нам известна всего одна находка из погребения Новоалександровка I к. 34, п. 4, к сожалению, не имеющего надежных хронологических индикаторов (Рябкова, 2003, с. 340, рис. 47).

Учитывая, что керамика «фракийского» типа с геометрическим орнаментом распространяется в лесостепной и степной регионы начиная с IX и до середины VII вв. до н.э., чему было посвящено исследование И.В. Бруяко (Бруяко, 2005), то версия карпатского происхождения керамической традиции должна рассматриваться наравне с остальными. Тем более, что на Кубани известен керамический материал, относящийся к «фракийской» традиции, как, например, корчаги с сосцевидными прилепами (хотя происхождение этих корчаг имеет разные точки зрения), грибовидное навершие на ручке черпака из Геленджикских погребений и сосуд из погребения Нововеличковская II к. 3, п. 4, имеющий на тулове орнамент в виде заштрихованных квадратов, расположенных в шахматном порядке (Эрлих, 2005, с. 153.; Аханов, 1961, с. 147, рис. 7; Рябкова, 2003, с. 315, рис. 22).

Завершая краткий обзор хронологии и генезиса черпаков с роговидным навершием, кото-

рый, конечно, требует более детального исследования, мы лишь обозначили общую проблематику и возможные пути решения вопроса их появления на Северо-Западном Кавказе. Сложно сказать, какая из версий имеет приоритет, все они имеют свою аргументацию, но с уверенностью можно сказать только то, что такая орнаментация являлась модой, охвативший огромный регион, и Закубанье являлось лишь периферией, куда эта традиция пришла в последней четверти VIII – VII вв. до н.э.

Исходя из вышеизложенного, из рассмотренного материала только навершие черпака могут быть определяющим в датировке погребения из Бетты. Как говорилось выше, датировка бляхи из Абинского могильника берется условно по общей хронологии памятника, а браслеты, хоть и присутствуют на Северо-Западном Кавказе в комплексах VIII – VII вв. до н.э., из-за хронологической и географической близости кобанских образцов не могут быть использованы для датирования. Поэтому по совокупности данных можно отнести погребение к последней четверти VIII – VII вв. до н.э.

Следует упомянуть, что в коллекции присутствует раннесредневековая пряжка типа Сиракузы. Но учитывая, что весь остальной материал относится к раннежелезному веку и то, что не удалось найти отчета по раскопкам данного погребения, где было бы указано конкретное местонахождение пряжки, можно считать ее попадание в комплекс (или коллекцию) случайным.

Михайловский Перевал (ГКМ-1556). В июле 1958 г. Д.Е. Щеглов доследовал разрушенное погребение (подкуранный дольмен) на территории совхоза Михайловский Перевал, на участке Верхняя Поляна. Отчет о проведении раскопок так же, как и в случае с погребением в Бетте обнаружить не удалось, и была возможность работать только с описью, в которой было указано, что тип погребения представлял собой подкуранный дольмен.

Всего было найдено пять предметов. Бронзовое кольцо диаметром 6,4 см, в поперечном сечении полуовальное, с местами еле читаемым ребром по центру кольца, с одного края имеется небольшой шишковидный нарост (рис. 3, 26). Такие находки интерпретируются как деталь колесничных наборов. Кольца такого типа не известны на территории Северо-Западного Кавказа, они распространены в лесостепных памятниках Бутенки, Квитки, Ольшана, а также степном кладе

у с. Преображенное (Эрлих, 2005, с. 313). Эти погребения А.И. Иванчик датировал не позднее середины VIII в. до н.э. (Иванчик, 2001, с. 125). К такому же выводу пришла М.Н. Дараган, соотнеся их с горизонтом Жаботин Ib (Дараган, 2011, с. 764).

Бронзовый браслет (рис. 3, 27) пластинчатый из тонкого гладкого листа бронзы, концы заходят друг за друга. Его можно соотнести с типом XXV, точные аналогии В.И. Козенковой не известны и найдены всего в трех погребениях могильника Каррас и одного погребения в Домбае (р. Алибек), и датироваться они должны по сопутствующему материалу. В погребениях кобанской культуры они известны в пределах VI – III вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 57).

Бронзовая литая привеска – лабрис-вотив (рис. 3, 28), выполнена в форме симметричных ромбовидных оконечностей, шириной 8 см, орнаментирована горизонтальным валиком, расходящимся под острым углом в три стороны по краям привески, перпендикулярно ей расположена цилиндрическая трубка со сквозным каналом, высотой 3 см. Бронзовые привески в виде птицы, расправившей крылья, известны на Центральном Кавказе в погребениях Фаскау и Адайдонского могильника (XIV – X вв. до н.э.) (Козенкова, 2013, с. 75, рис. 35, 6), известны они так же на памятнике Верхняя Рухта (конец II – рубеж II – I тыс. до н.э.). А.П. Мошинский интерпретировал подвески не только как изображение птиц в полете, но видел в них также изображение двойной секиры, причем придавал этой интерпретации приоритетное значение как культовому, сакральному по назначению (Козенкова, 2017, с. 29-30). Интересны находки бронзовых блях бабочковидной формы со сквозным каналом, проходящим перпендикулярно бляхе, на памятнике Хазанлу IV в Иране и хорошо датированных слоем разрушения, самым концом IX в. до н.э. (Иванчик, 2001, с. 214, рис. 105). Там удалось реконструировать способ расположения блях данного типа друг относительно друга, они украшали голову лошади, плотно нанизывались на ремни занимая все пространство между круглыми бляхами начинаясь от наносного и доходя до конца налобного ремня. Другим регионом, где они представлены более массово являются Балканы. Появляются они на территории Греции еще в конце бронзового века, где использовались в погребениях как поясные наборы у женщин, возможно жриц, а с X в. до н.э. они начинают

проникать на север Балканского полуострова и к VIII – VII вв. до н.э. получают наибольшее распространение (Mitrevski, 2006, p. 89). В Северном Причерноморье они известны в комплексе второй половины VII в. до н.э. Репяховатая Могила п. 1 (Дараган, 2010, с. 105). Реконструкция поясного набора показывает, что привески нанизывались одна к другой, а если цилиндрических трубок не было, то пространство между ними заполнялось бусами. Следует сказать, что хоть найденная привеска морфологически не имеет прямых аналогий, все же к балканским прототипам она наиболее близка и, как мы увидели выше, могла использоваться в зависимости от желания владельца. Вполне возможно, что в единичном экземпляре подобные изделия могли быть и кулонами.

Помимо бронзовых изделий, есть похожие костяные бляхи предскифского времени в виде двух полуovalов, разделенных прямоугольником, но имевшие различные по размерам отверстия для ремней на полуovalах. Они имеют довольно широкое географическое распространение. В Закубанье это прежде всего находка роговой бляхи из п. 83 могильника Пшиш-1 (Эрлих, 2005, с. 290-291). Также они найдены в Жерноклеевском кургане 6, п. 9 и кургане Стрижена могила. Помимо этого, они известны на Кобанском могильнике, п. 31 и в кургане Аржан, камера 26. (Иванчик, 2001, с. 214, рис. 105). Главной особенностью таких изделий является то, что прямоугольник, разделяющий бляху на две части, носит исключительно декоративный характер.

Бронзовая височная подвеска (рис. 3, 29) овальной формы в 1,5 оборота из тонкого круглого в сечении прута. Диаметр изделия 2,5 см, диаметр стержня 0,2 см. Такие подвески в значительном количестве представлены на памятниках Приморско-Абинской группы, ее можно соотнести к типу 1, варианту 1 по классификации В.Р. Эрлиха (Эрлих, 2005, с. 352-353). Привески данного типа были распространены на всей территории ареала кобанской культуры, относятся они ко 2 типу по классификации В.И. Козенковой и датируются они с рубежа II – I тыс. до н.э. до VII – VI вв. до н.э. (Козенкова, 1998, с. 35).

Найденная железная кованая тонкая пластина (рис. 3, 30) высотой 4,1 см, треугольной формы со скругленными краями функционально не совсем понятна. Вполне возможно, что она выполняла функцию вставки, потому что какие-либо крепления отсутствуют. С другой стороны,

можно предположить, что крепление могло располагаться со стороны обломанного угла.

Вещевой материал, представленный в коллекции, не может дать нам надежной датировки, единственным предметом, который может быть определяющим в вопросе хронологии погребения является кольцо упряжи колесницы. Поэтому можно говорить о том, что погребение Михайловский Перевал датируется не позднее середины VIII в. до н.э.

Подытоживая рассмотрение материалов погребений, следует еще раз обратиться к немногочисленным записям Д.Е. Щеглова. Он писал, что по устройству погребений и вещевому материалу они составляют единую группу каменных гробниц Геленджик – Фальшивый Геленджик. Помимо этого, по металлу они аналогичны дольмену, раскопанному на территории поселения Бетта (Щеглов, 1957, с. 32) и, соответственно, они должны рассматриваться в общем контексте памятников Приморской группы. Д.Е. Щеглов и И.И. Аханов считали эти погребения лишь поздним этапом дольменной культуры, характеризующимся переходом от классических дольменов II тыс. до н.э. к подкурганным погребениям в период IX – VII вв. до н.э. (Щеглов, 1957, с. 32) или VIII – VII вв. до н.э. (Аханов, 1961, с. 148-149).

И.С. Каменецкий отнес Геленджикские погребения к протомеотскому и раннемеотскому периодам меотской культуры. При этом в разделе, посвященном протомеотскому периоду, вообще никак не была раскрыта причина их включения в культуру, а в разделе по раннемеотскому периоду при анализе погребений он констатировал, что они имеют серьезные отличия от остальных меотских памятников (Каменецкий, 1989, с. 228, 232-233). Некоторую ясность в вопрос протомеотских памятников внес В.Р. Эрлих. Указав на то, что различия между локальными группировками памятников слишком велики, чтобы говорить о протомеотской культуре, он предложил использовать термин – протомеотская группа памятников, которые имели разные источники формирования и разную систему связей (Эрлих, 2005, с. 15, 67).

Иной точки зрения на Геленджикские погребения придерживался Ю.Н. Воронов. По его мнению, они входили в кобано-колхидскую культурную общность, и им был даже выделен отдельный ее вариант в границах приморской зоны от территории Абхазии до Новороссийска, с очень

неудобным названием – «северовостоchnопрichernоморский». Обоснованиями включения в единую общность были: единство металлургической традиции, захоронения в каменных ящиках и традиция подзахоронения в них. Само расширение ареала культуры было связано со значительным развитием земледелия и скотоводства, что вызвало миграционные процессы, которые продолжались вплоть до VIII–VII вв. до н.э. (Воронов, 2006, с. 64, 73). Аналогичной версии о сходстве погребальной традиции придерживается С.Л. Дударев, правда, оговаривая, что в Северной Колхиде, наиболее близкой к району Новороссийска, таких погребений нет (Дударев, 1999, с. 113).

Версия Ю.Н. Воронова, на наш взгляд, является наиболее обоснованной и приоритетной. Конечно, нам не известен обряд труположения из публикуемых погребений, который бы ответил нам на вопрос о схожести с памятниками Приморской группы и из Западной Грузии, и нам остается только основываться на словесном описании. Однако, несмотря на это, мы считаем версию Ю.Н. Воронова перспективным направлением в изучении памятников Приморской группы.

ЛИТЕРАТУРА:

- Аханов И.И., 1961. Геленджикские подкурганные дольмены // СА. №1. – М. С. 139-150.
- Брумяко И.В., 2005. Ранние кочевники в Европе. X – V до Р.Х. – Кишинев.
- Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. – Краснодар. С. 21-38.
- Воронов Ю.Н., 2006. Научные труды. Том первый. – Сухум.
- Воронов Ю.Н., 2009. Научные труды. Том второй. – Сухум.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В., 2010. Клиновое оружие из некрополя Артющенко-2 // Древности Боспора. – М. С. 66-87.
- Галанина Л.К., 1989. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты предки Адыгов. – Майкоп. С. 74-103.
- Дараган М.Н., 2010. Памятники раннескифского времени среднего Поднепровья и Гальштатт: поиск хронологических реперов // Revista arheologica. Vol VI., nr. 2. – Chisinau. С. 85-113.
- Дараган М.Н., 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. – Киев.
- Дараган. М.Н., 2015. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовле-

ние, метрология и маркировка // Труды государственного Эрмитажа. Т. 77. – СПб. С. 127-170.

Дударев С.Л., 1999. Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII вв. до н.э.). – Армавир.

Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. – М.

Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. №23. – М. С. 75-124.

Ильина В.А., 1973. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин // СА. №3. С. 3-24.

Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М. С. 224-252.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант. – М.

Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. САИ. Вып. В2-5. Т. 5. – М.

Козенкова В.И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир. – М.

Козенкова В.И., 2017. Специфика духовного мира кобанских племен. – М.

Куфтин Б.А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. 2. – Тбилиси.

Кузнецова Т.М., 2002. Зеркала Скифии VI – II вв. до н.э. Т. 1. – М.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012. Меотские древности VI-V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). – Краснодар.

Малышев А.А., 2010. Новое в хроностратиграфии Раевского городища // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – М.-Киев. С. 175-178.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-04. – М.

Новичихин А.М., 2006. Население Западного Закубанья первой половины I тыс. до н.э. – Анапа.

Пелих А.Л., 2003. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы. – Армавир.

Рябкова Т.В., 2003. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья. – СПб.

Скаков А. Ю., Джопа А. И., 2014. Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. Вып. 236. – М. С. 99-109.

Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. – М.

Шарафутдинова И.Н., 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – Киев.

Шрамко Б.А., 2016. Більське городище в наукових працях Б.А. Шрамка. – Харків.

Щеглов Д.Е., 1957. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Геленджикского района за период 1955-1957 гг. // ГКМ – ф. 2, д. 6.

Эрлих В.Р., 2005. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). – М.

Bader T. 1983. Die Fibeln in Rumanien. Abt. XIV, B.6. C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. – Munchen.

Mitrevski D. 2006. Genesis of the Iron Age Culture in Macedonia Folia archaeologica I. In: Honorem Verae Bitakova Grozdanova. – Skopje. p. 85-96.

Petrescu-Dimbovita M. 1977. Depozitele de bronzuri din Romania. Editura Academiei Republicii Socialiste Romania. – Bucuresti.

Tanko K. 2005. «Horn-handled» of the Central European Iron Age. In: H. Dobrozańska, V. Megaw, P. Polenska (eds.): Celts on the Margin. – Krakow, p. 153-162.

Triskova J. 2015. Symbolika byka ve strednim eneolitu v Cechach. Zapadoceska univerzita. Fakulta filozoficka. – Plzen.

Рис. 1. Карта расположения погребений. 1 – Фальшивый Геленджик; 2 – Бетта; 3 – Михайловский перевал; 4 – с. Береговое; 5 – Толстый мыс.

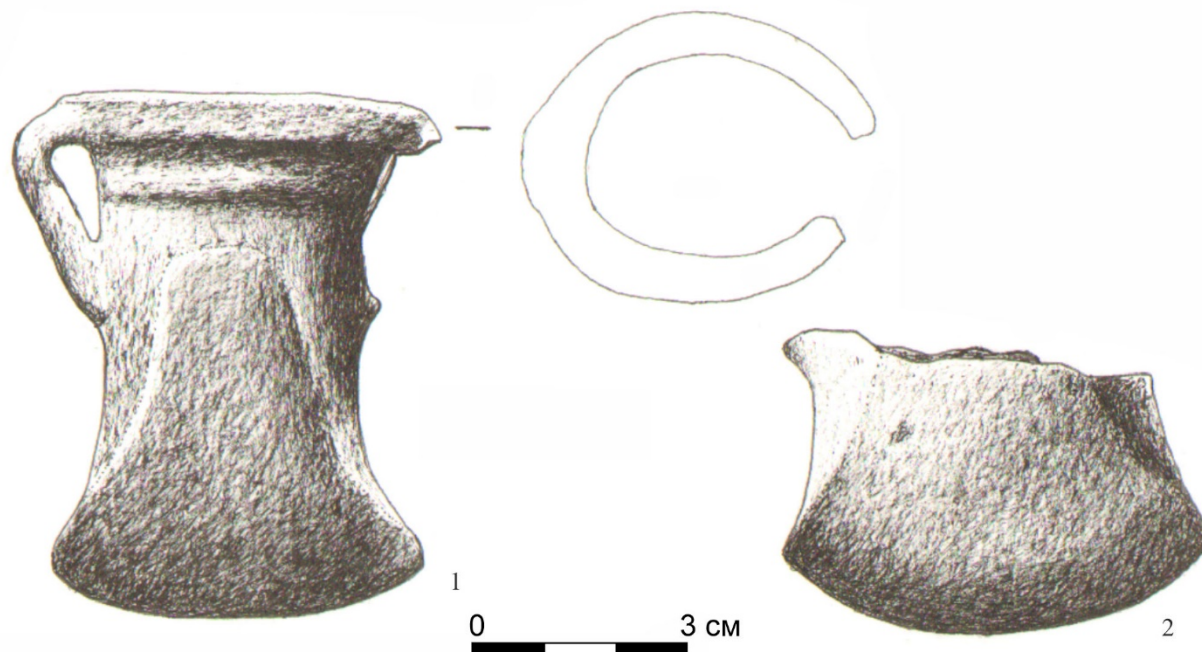

Рис. 2. Бронзовые топоры-кельты. 1 - с. Береговое; 2 - Толстый мыс.

Рис. 3. Материал погребений. А - Фальшивый Геленджик: 1-2 - копья; 3-4 - поясные обоймы; 5 - бляха; 6 - наконечник ремня; 7-8 - височные кольца; 9 - обойма; 10 - лунница; 11 - нож. Б - Бетта: 12-16 - бляхи; 17-19 - браслеты; 20-21 - височные кольца; 22 - роговидное навершие черпака; 23-24 - венчики лепных сосудов; 25 - фрагмент ручки. В - Михайловский перевал: 26 - кольцо; 27 - браслет; 28 - привеска «лабрис-вотив»; 29 - височная подвеска; 30 - пластина. 1-10, 12-21, 26-29 - бронза, 22-25 - глина, 11, 30 - железо.